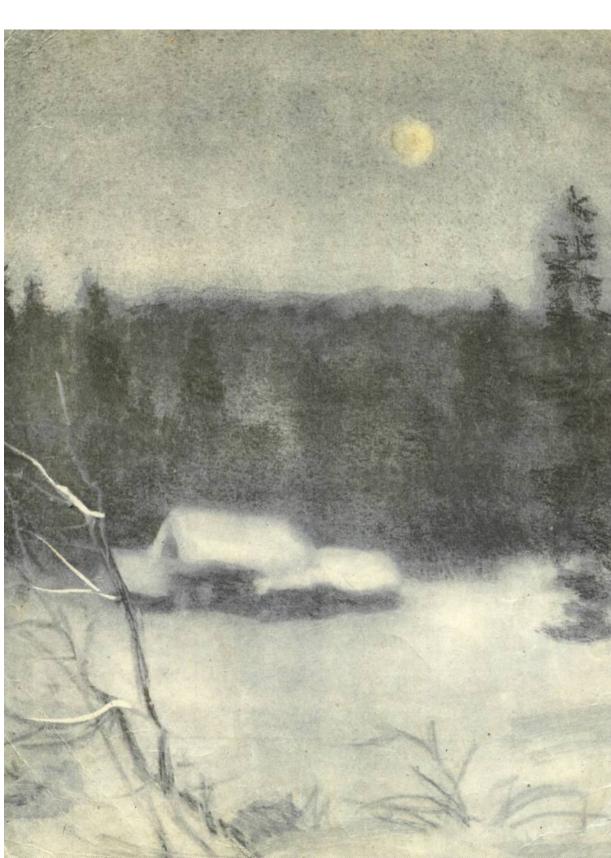

БЕЛОЛОБЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

Библиотека Ладовед. SCAN. Юрий Войкин 2012г.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

А. П. ЧЕХОВ

БЕЛОЛОБЫЙ

РАССКАЗЫ

ПЕРЕИЗДАНИЕ

Это было давно. В России тогда было мало железных дорог. И люди больше ездили на лошадях.

Вот по степи медленно движется обоз: нагруженные повозки, сопровождаемые подводчиками, едут в город. На одной подводе, высоко на сене, сидит мальчик Егорушка. Он едет в город учиться. О том, что видит Егорушка в дороге, как он узнаёт новых людей, знакомится с их жизнью, и рассказывает Антон Павлович Чехов в своей повести «Степь». Когда вы станете старше, вы прочитаете её всю целиком, а пока что прочтите отрывки из этой замечательной повести.

Рассказ «Белолобый» А. П. Чехов напечатал в 1895 году в журнале «Детское чтение». Читатели узнали о приключениях добродушного и весёлого щенка Белолобого, вдруг попавшего из тёплого хлева, где он спал вместе с ягнятами, в волчье логово.

А. П. Чехов, замечательный писатель, любил и понимал животных. Он удивительно человечно рассказал о заботливой матери-волчихе, о резвых волчатах, об их играх с Белолобым.

«Если невнимательно отнесёшься к животным, — как бы говорит писатель, — легко очутиться в смешном положении, как сторож Игнат, побивший невинного Белолобого».

[&]quot;, $\frac{70802-265}{M101(03)74}$ = $\frac{-}{6}$ = $\frac{-}{74}$

ЕГОРУШКА И ДЕНИСКА

Первый проснулся Дениска. Его что-то укусило, потому что он вскочил, быстро почесал плечо и проговорил:

— Анафема идолова, нет на тебя погибели! Затем он подошёл к ручью, напился и долго умывался. Его фырканье и плеск воды вывели Егорушку из забытья. Мальчик поглядел на его мокрое лицо, покрытое каплями и крупными веснушками, которые делали лицо похожим на мрамор, и спросил:

— Скоро поедем?

Дениска поглядел, как высоко стоит солнце, и ответил:

— Должно, скоро.

Он вытерся подолом рубахи и, сделав очень серьёзное лицо, запрыгал на одной ноге.

— А ну-ка, кто скорей доскачет до осоки!— сказал он.

Егорушка был изнеможён зноем и полусном, но всё-таки поскакал за ним. Дениске было уже около 20-ти лет, служил он в кучерах и собирался жениться, но не перестал быть ещё маленьким. Он очень любил пускать змеи, гонять голубей, играть в бабки, бегать вдогонки и всегда вмешивался в детские игры и ссоры. Нужно было только хозяевам уйти или уснуть, чтобы он занялся чем-нибудь вроде прыганья на одной ножке или подбрасыванья камешков. Всякому взрослому при виде того искреннего увлечения, с каким он резвился в обществе малолетков, трудно было удержаться, чтобы не проговорить: "Этакая дубина!" Дети же во вторжении большого кучера в их область не видели ничего странного: пусть играет, лишь бы не дрался! Точно так маленькие собаки не видят ничего странного, когда в их компанию затёсывается какой-нибудь большой, искренний пёс и начинает играть с ними.

Дениска перегнал Егорушку и, по-видимо-

Кучер, или возница, управляет лошадьми.

му, остался этим очень доволен. Он подмигнул глазом и, чтобы показать, что он может проскакать на одной ножке какое угодно пространство, предложил Егорушке, не хочет ли тот проскакать с ним по дороге и оттуда, не отдыхая, назад к бричке? Егорушка отклонил это предложение, потому что очень запыхался и ослабел.

Вдруг Дениска сделал очень серьёзное лицо. Он нацелился на одну точку глазами, медленно поднял вверх кисть руки, сложенную лодочкой, и вдруг упал животом на землю и хлопнул лодочкой по траве.

— Есть! — прохрипел он торжествующе и, вставши, поднёс к глазам Егорушки большого кузнечика.

Думая, что это приятно кузнечику, Егорушка и Дениска погладили его пальцами по широкой зелёной спине и потрогали его усики. Потом Дениска поймал жирную муху, насосавшуюся крови, и предложил её кузнечику. Тот очень равнодушно, точно давно уже был знаком с Дениской, задвигал своими большими, похожими на забрало² челюстями и отъел мухе живот. Его выпустили, он сверкнул розовой подкладкой своих крыльев и, опустившись в траву, тотчас же затрещал свою песню.

² Забрало — подъёмная решёточка впереди шлема, старинного воинского головного убора.

¹ Бричка — лёгкая, с плетёным кузовом и кожаным верхом повозка.

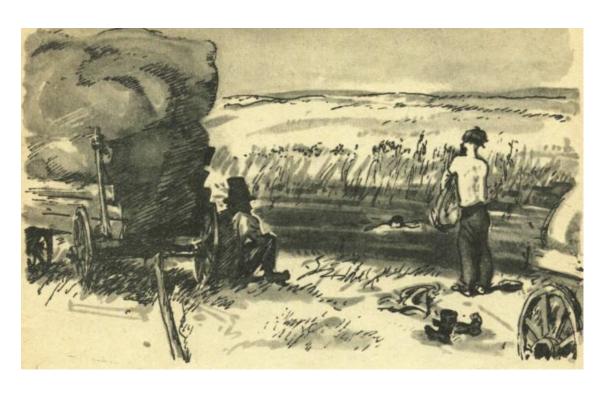
КУПАНИЕ

В жаркий день, когда некуда деваться от зноя и духоты, плеск воды и громкое дыхание купающегося человека действуют на слух, как хорошая музыка. Дымов и Кирюха, глядя на Стёпку, быстро разделись и один за другим, с громким смехом и предвкушая наслаждение, попадали в воду. И тихая, скромная речка огласилась фырканьем, плеском и криком. Кирюха кашлял, смеялся и кричал так, как будто его хотели утопить, а Дымов гонялся за ним и старался схватить его за ногу.

— Ге-ге-ге!—кричал он. —Лови, держи его!

Егорушка тоже разделся, но не спускался вниз по бережку, а разбежался и полетел с полуторасаженной вышины. Описав в воздухе дугу, он упал в воду, глубоко погрузился, но дна не достал; какая-то сила, холодная и приятная на ощупь, подхватила его и понесла обратно наверх. Он вынырнул и, фыркая, пуская пузыри, открыл глаза; но на реке как раз возле его лица отражалось солнце. Сначала ослепительные искры, потом радуги и тёмные пятна заходили в его глазах; он поспешил опять нырнуть, открыл в воде глаза и увидел что-то мутно-зелёное, похо-

¹ Полутора саженной. Сажень — старинная мера длины, равная примерно двум метрам.

жее на небо в лунную ночь. Опять та же сила, не давая ему коснуться дна и побыть в прохладе, понесла его наверх, он вынырнул и вздохнул так глубоко, что стало просторно и свежо не только в груди, но даже в животе. Потом, чтобы взять от воды всё, что только можно взять, он позволял себе всякую роскошь: лежал на спине и нежился, брызгался, кувыркался, плавал и на животе, и боком, и на спине, и встоячую — как хотел, пока не утомился. Другой берег густо порос камышом, золотился на солнце, и камышовые цветы красивыми кистями наклонились к воде. На одном месте камыш вздрагивал, кланялся

своими цретами и издавал треск — то Стёпка и Кирюха "драли" раков. — Рак! Гляди, братцы: рак! —закричал

— Рак! Гляди, братцы: рак! — закричал торжествующе Кирюха и показал действительно рака.

Егорушка поплыл к камышу, нырнул и стал шарить около камышовых кореньев. Копаясь в жидком, осклизлом иле, он нашупал что-то острое и противное, может быть, и в самом деле рака, но в это время кто-то схватил его за ногу и потащил наверх. Захлебываясь и кашляя, Егорушка открыл глаза и увидел перед собой мокрое, смеющееся лицо озорника Дымова. Озорник тяжело дышал и, судя по глазам, хотел продолжать шалить.

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ

Скоро вернулся Стёпка с бреднем¹. Дымов и Кирюха от долгого пребывания в воде стали лиловыми и охрипли, но за рыбную ловлю принялись с охотой. Сначала они пошли по глубокому месту, вдоль камыша; тут Дымову было по шею, а малорослому Кирюхе с головой; последний захлёбывался и пускал пузыри, а Дымов, натыкаясь на колючие корни, падал и путался в бредне, оба барахтались и шумели, и из их рыбной ловли выходила одна шалость.

- Глыбоко, хрипел Кирюха. Ничего не поймаешь!
- Не дёргай, чёрт!—кричал Дымов, стараясь придать бредню надлежащее положение.—Держи руками!
- Тут вы не поймаете!—кричал им с берега Пантелей.—Только рыбу пужаете, дурни! Забирайте влево! Там мельчее!

Раз над бреднем блеснула крупная рыбёшка; все ахнули, а Дымов ударил кулаком по тому месту, где она исчезла, и на лице его выразилась досада.

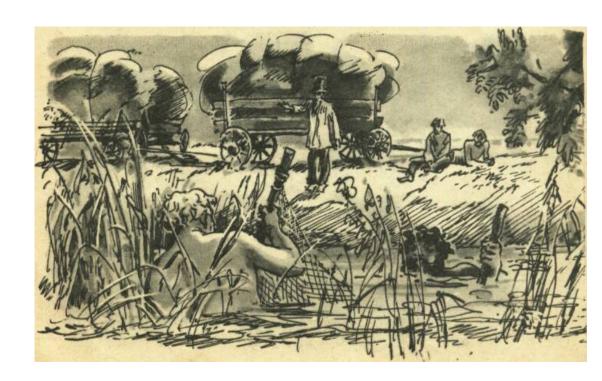
— Э́х!—крякнул Пантелей и притопнул ногами.— Прозевали чикамаса! Ушёл!

Забирая влево, Дымов и Кирюха малопомалу выбрались на мелкое, и тут ловля

Бредень — сеть для ловли рыбы.

² Чикамас — окунь.

пошла настоящая; видно было, как они, молча и еле двигая ногами, стараясь забирать возможно глубже и поближе к камышу, волокли бредень, как они, чтобы испугать рыбу и загнать её к себе в бредень, били кулаками по воде и шуршали в камыше. От камыша они шли к другому берегу, тащили там бредень, потом с разочарованным видом, высоко поднимая колена, шли обратно к камышу. О чём-то они говорили, но о чём — не было слышно. А солнце жгло им в спины, кусались мухи, и тела их из лиловых стали багровыми. За ними с ведром в руках, засучив рубаху под самые подмышки и держа её зубами за подол, ходил Стёпка. После каждой удачной ловли он поднимал вверх какую-нибудь рыбу и, блестя ею ня солнце, кричал:

— Поглядите, какой чикамас! Таких уж штук пять есть!

Видно было, как, вытащив бредень, Дымов, Кирюха и Стёпка всякий раз долго копались в иле, что-то клали в ведро, что-то выбрасывали; изредка что-нибудь попавшее в бредень они брали с рук на руки, рассматривали с любопытством, потом тоже бросали...

— Что там? — кричали им с берега.

Стёпка что-то отвечал, но трудно было разобрать его слова. Вот он вылез из воды и, держа ведро обеими руками, забывая опустить рубаху, побежал к подводам.

— Уже полное!—кричал он, тяжело дыша.—Давайте другое!

Егорушка заглянул в ведро: оно было

полно; из воды высовывала свою некрасивую морду молодая щука, а возле неё копошились раки и мелкие рыбёшки* Егорушка запустил руку на дно и взболтал воду; щука исчезла под раками, а вместо неё всплыли наверх окунь и линь.

У КОСТРА

Когда Егорушка вернулся к реке, на берегу дымил небольшой костёр. Это подводчики варили себе обед. В дыму стоял Стёпка и большой зазубренной ложкой мешал в котле. Несколько в стороне, с красными от дыма глазами, сидели Кирюха и Вася и чистили рыбу. Перед ними лежал покрытый илом и водорослями бредень, на котором блестела рыба и ползали раки.

Кончив чистить, Кирюха и Вася собрали рыбу и живых раков в ведро, всполоснули и из ведра вывалили всё в кипевшую воду.

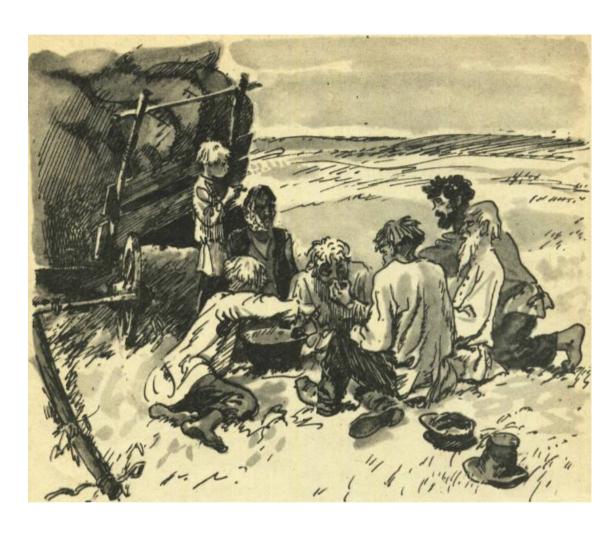
- Класть сала? спросил Стёпка, снимая ложкой пену.
- Зачем? Рыба свой сок пустит,— ответил Кирюха.

Перед тем как снимать с огня котёл, Стёпка всыпал в воду три пригоршни пшена и ложку соли; в заключение он попробовал, почмокал губами, облизал ложку и самодовольно крякнул—это значило, что каша уже готова.

Все, кроме Пантелея, сели вокруг котла и принялись работать ложками.

— Вы! Дайте парнишке ложку! — строго заметил Пантелей. — Чай, небось тоже есть хочет!

 $^{^{1}}$ Подводчик — проводник при нагруженной повозке, подводе:

- Наша еда мужицкая!..— вздохнул Кирюха.
- И мужицкая пойдёт во здравие, была бы охота.

Егорушке дали ложку. Он стал есть, но не садясь, а стоя у самого котла и глядя в него, как в яму. От каши пахло рыбной сыростью, то и дело среди пшена попадалась рыбья чешуя; раков нельзя было зацепить

ложкой, и обедавшие доставали их из котла прямо руками; особенно не стеснялся в этом отношении Вася, который мочил в каше не только руки, но и рукава. Но каша всё-таки показалась Егорушке очень вкусной и напоминала ему раковый суп, который дома варила его мамаша.

БЕЛОЛОБЫЙ

Рассказ

Голодная волчиха встала, чтобы идти на охоту. Её волчата, все трое, крепко спали, сбившись в кучу, и грели друг друга. Она облизала их и пошла.

Был уже весенний месяц март, но по ночам деревья трещали от холода, как в декабре, и едва высунешь язык, как его начинало сильно щипать. Волчиха была слабого здоровья, мнительная; она вздрагивала от малейшего шума и всё думала о том, как бы дома

без неё кто не обидел волчат. Запах человеческих и лошадиных следов, пни, сложенные дрова и тёмная унавоженная дорога пугали её; ей казалось, будто за деревьями в потёмках стоят люди и где-то за лесом воют собаки.

Она была уже не молода, и чутьё у неё ослабело, так что случалось, лисий след она принимала за собачий и иногда даже, обманутая чутьём, сбивалась с дороги, чего с нею никогда не бывало в молодости. По слабости здоровья она уже не охотилась на телят и крупных баранов, как прежде, и уже далеко обходила лошадей с жеребятами, а питалась одною падалью; свежее мясо ей приходилось кушать очень редко, только весной, когда она, набредя на зайчиху, отнимала у неё детей или забиралась к мужикам в хлев, где были ягнята.

В верстах четырёх от её логовища, у почтовой дороги, стояло зимовье. Тут жил сторож Игнат, старик лет семидесяти, который всё кашлял и разговаривал сам с собой; обыкновенно ночью он спал, а днём бродил по лесу с ружьём-одностволкой и посвистывал на зайцев. Должно быть, раньше он служил в механиках, потому что каждый раз, прежде чем остановиться, кричал себе: "Стоп, машина!", и, прежде чем пойти дальше: "Полный ход!" При нём находилась громадная чёрная собака неизвестной породы, по имени Арапка. Когда она забегала далеко вперёд, то он

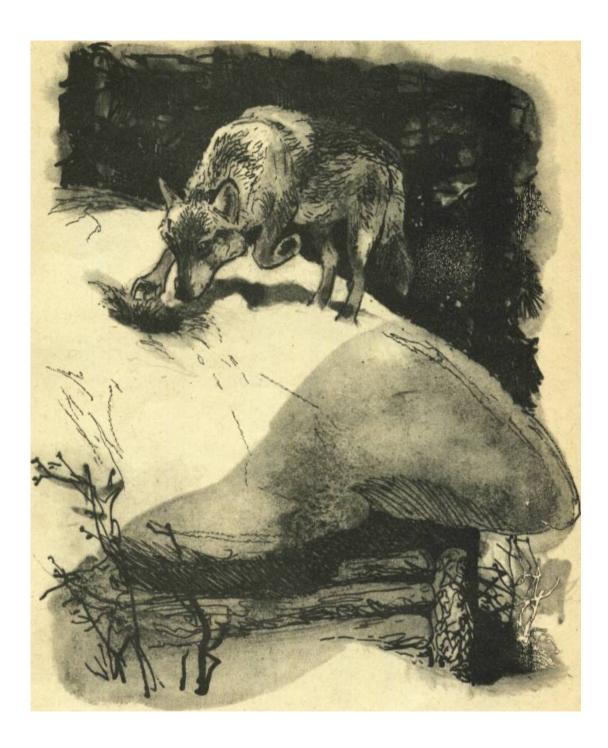
кричал ей: "Задний ход!" Иногда он пел и при этом сильно шатался и часто падал (волчиха думала, что это от ветра) и кричал: "Сошёл с рельсов!"

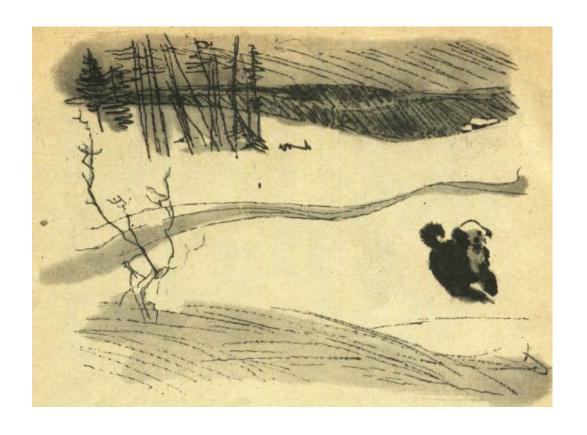
Волчиха помнила, что летом и осенью около зимовья паслись баран и две ярки \ и когда она не так давно пробегала мимо, то ей послышалось, будто в хлеву блеяли. И теперь, подходя к зимовью, она соображала, что уже март и, судя по времени, в хлеву должны быть ягнята непременно. Её мучил голод, она думала о том, с какой жадностью она будет есть ягнёнка, и от таких мыслей зубы у неё щёлкали и глаза светились в потёмках, как два огонька.

Изба Игната, его сарай, хлев и колодец были окружены высокими сугробами. Было тихо. Арапка, должно быть, спала под сараем.

По сугробу волчиха взобралась на хлев и стала разгребать лапами и мордой соломенную крышу. Солома была гнилая и рыхлая, так что волчиха едва не провалилась; на неё вдруг прямо в морду пахнуло тёплым паром и запахом навоза и овечьего молока. Внизу, почувствовав холод, нежно заблеял ягнёнок. Прыгнув в дыру, волчиха упала передними лапами и грудью на что-то мягкое и тёплое, должно быть на барана, и в это время в хлеву что-то вдруг завизжало, залаяло

¹ Ярка — молодая овца.

и залилось тонким, подвывающим голоском; овцы шарахнулись к стенке, и волчиха, испугавшись, схватила, что первое попалось в зубы, и бросилась вон...

Она бежала, напрягая силы, а в это время Арапка, уже почуявшая волка, неистово выла, кудахтали в зимовье потревоженные куры, и Игнат, выйдя на крыльцо, кричал:

— Полный ход! Пошёл к свистку!

И свистел, как машина, и потом — го-го-го-го-го!.. И весь этот шум повторяло лесное эхо.

Когда мало-помалу всё это затихло, волчиха успокоилась немного и стала замечать,

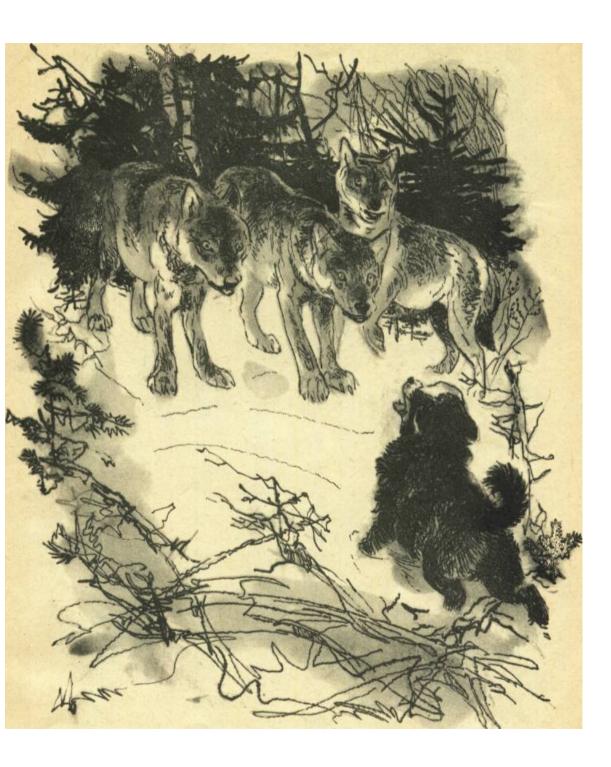
что её добыча, которую она держала в зубах и волокла по снегу, была тяжелее и как будто твёрже, чем обыкновенно бывают в эту пору ягнята; и пахло как будто иначе, и слышались какие-то странные звуки... Волчиха остановилась и положила свою ношу на снег, чтобы отдохнуть и начать есть, и вдруг отскочила с отвращением. Это был не ягнёнок, а щенок, чёрный, с большой головой и на высоких логах, крупной породы, с таким же белым пятном во весь лоб, как у Арапки. Судя по манерам, это был невежа, простой дворняжка. Он облизал свою помятую, раненую спину и, как ни в чём не бы-

вало, замахал хвостом и залаял на волчицу. Она зарычала, как собака, и побежала от него. Он за ней. Она оглянулась и щёлкнула зубами; он остановился в недоумении и, вероятно решив, что это она играет с ним, протянул морду по направлению к зимовью и залился звонким, радостным лаем, как бы приглашая мать свою Арапку поиграть с ним и с волчихой.

Уже светало, и когда волчиха пробиралась к себе густым осинником, то было видно отчётливо каждую осинку, и уже просыпались тетерева и часто вспархивали красивые петухи, обеспокоенные неосторожными прыжками и лаем щенка.

"Зачем это он бежит за мной? —думала волчиха с досадой. —Должно быть, он хочет, чтобы я его съела".

Жила она с волчатами в неглубокой яме; года три назад во время сильной бури вывернуло с корнем высокую старую сосну, отчего и образовалась эта яма. Теперь на дне её были старые листья и мох, тут же валялись кости и бычьи рога, которыми играли волчата. Они уже проснулись, и все трое, очень похожие друг на друга, стояли рядом на краю своей ямы и, глядя на возмать, помахивали вращавшуюся хвостами. Увидев их, щенок остановился поодаль долго смотрел на них; заметив, что они тоже внимательно смотрят на него, он стал лаять на них сердито, как на чужих.

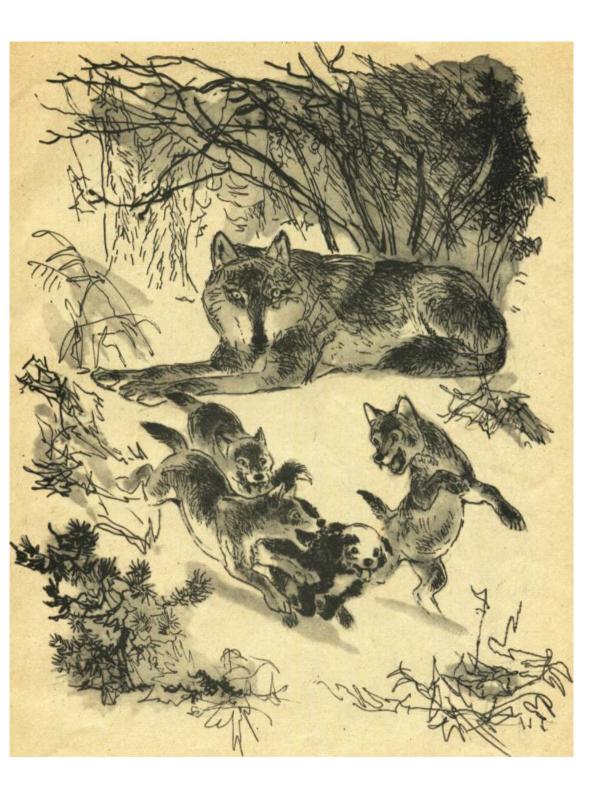

Уже рассвело и взошло солнце, засверкал кругом снег, а он всё стоял поодаль и лаял. Волчата сосали свою мать, пихая её лапами в тощий живот, а она в это время грызла лошадиную кость, белую и сухую; её мучил голод, голова разболелась от собачьего лая, и хотелось ей броситься на непрошеного гостя и разорвать его.

Наконец щенок утомился и охрип; видя, что его не боятся и даже не обращают на него внимания, он стал несмело, то приседая, то подскакивая, подходить к волчатам. Теперь, при дневном свете, легко уже было рассмотреть его. Белый лоб у него был большой, а на лбу бугор, какой бывает у очень глупых собак; глаза были маленькие, голубые, тусклые, а выражение всей морды чрезвычайно глупое. Подойдя к волчатам, он протянул вперёд широкие лапы, положил на них морду и начал:

— Мня, мня... нга-нга-нга!..

Волчата ничего не поняли, но замахали хвостами. Тогда щенок ударил лапой одного волчонка по большой голове. Волчонок тоже ударил его лапой по голове. Щенок стал к нему боком и посмотрел на него искоса, помахивая хвостом, потом вдруг рванулся с места и сделал несколько кругов по насту. Волчата погнались за ним, он упал на спину и задрал вверх ноги, а они втроём напали на него и, визжа от восторга, стали кусать его, но не больно, а в шутку. Вороны сидели

на высокой сосне и смотрели сверху на их борьбу и очень беспокоились. Стало шумно и весело Солнце припекало уже по-весеннему; и петухи, то и дело перелетавшие через сосну, поваленную бурей, при блеске солнца казались изумрудными.

Обыкновенно волчихи приучают своих детей к охоте, давая им поиграть добычей; и теперь, глядя, как волчата гонялись по насту за щенком и боролись с ним, волчиха думала:

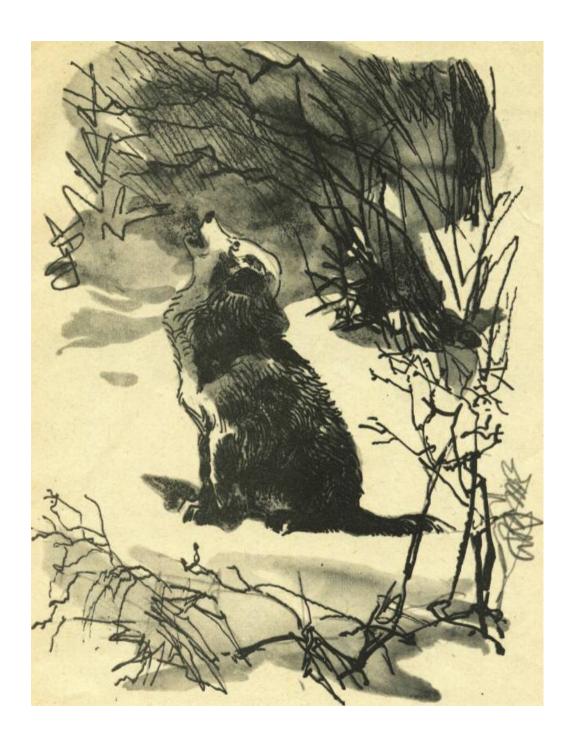
"Пускай приучаются".

Наигравшись, волчата пошли в яму и легли спать. Щенок повыл немного с голоду, потом также растянулся на солнышке. А проснувшись, опять стали играть.

Весь день и вечером волчиха вспоминала, как прошлою ночью в хлеву блеял ягнёнок и как пахло овечьим молоком, и от аппетита она всё щёлкала зубами и не переставала грызть с жадностью старую кость, воображая себе, что это ягнёнок. Волчата сосали, а щенок, который хотел есть, бегал кругом и обнюхивал снег.

"Съем-ка его..." — решила волчиха.

Она подошла к нему, а он лизнул её в морду и заскулил, думая, что она хочет играть с ним. В былое время она едала собак, но от щенка сильно пахло псиной, и, по слабости здоровья, она уже не терпела этого запаха; ей стало противно, и она отошла прочь...

К ночи похолодело. Щенок соскучился и ушёл домой.

Когда волчата крепко уснули, волчиха опять отправилась на охоту. Как ив прошлую ночь, она тревожилась малейшего шума, и её пугали пни, дрова, тёмные, одиноко стоящие кусты можжевельника, издали похожие на людей. Она бежала в стороне от дороги, по насту. Вдруг далеко впереди на дороге замелькало что-то тёмное... Она напрягла зрение и слух: в самом деле, что-то шло впереди, и даже слышны были мерные шаги. Не барсук ли? Она осторожно, чуть дыша, забирая всё в сторону, обогнала тёмное пятно, оглянулась на него и узнала. Это не спеша, шагом, возвращался к себе в зимовье щенок с, белым лбом.

"Как бы он опять мне не помешал",— подумала волчиха и быстро побежала вперёд.

Но зимовье было уже близко. Она опять взобралась на хлев по сугробу. Вчерашняя дыра была уже заделана яровой соломой, и по крыше протянулись две новые слеги Волчиха стала быстро работать ногами и мордой, оглядываясь, не идёт ли щенок, но едва пахнуло на неё тёплым паром и запахом навоза, как сзади послышался радостный, заливчатый лай. Это вернулся щенок. Он прыгнул к волчихе на крышу, потом в дыру и, почувствовав себя дома, в тепле, узнав своих овец, залаял

¹ Слега — толстая жердь.

ещё громче... Арапка проснулась под сараем и, почуяв волка, завыла, закудахтали куры, и когда на крыльце показался Игнат со своей одностволкой, то перепуганная волчиха была уже далеко от зимовья.

— Фюйть!—засвистел Игнат.— Фюйть! Гони на всех парах!

Он спустил курок — ружьё дало осечку; он спустил ещё раз — опять осечка;, он спустил в третий раз — и громадный огненный сноп вылетел из ствола, и раздалось оглушительное "бу, бу!\ Ему сильно отдало в плечо; и, взявши в одну руку ружьё, а в

другую топор, он пошёл посмотреть, отчего шум...

Немного погодя он вернулся в избу.

- Что там?—спросил хриплым голосом странник, ночевавший у него в эту ночь и разбуженный шумом.
- Ничего...—ответил Игнат.— Пустое дело. Повадился наш Белолобый с овцами спать в тепле. Только нет того понятия, чтобы в дверь, а норовит всё как бы в крышу. Намедни ночью разобрал крышу и гулять ушёл, подлец, а теперь вернулся и опять разворошил крышу.
  - Глупый.
- Да, пружина в мозгу лопнула. Смерть не люблю глупых! вздохнул Игнат, полезая на печь. —Ну, божий человек, рано ещё вставать, давай спать полным ходом...

А утром он подозвал к себе Белолобого, больно оттрепал его за уши и потом, наказывая его хворостиной, всё приговаривал:

— Ходи в дверь! Ходи в дверь! Ходи в дверь!

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ	ПОВЕСТИ «СТЕПЬ». Рисунки С. Монахова
	ЕГОРУШКА И ДЕНИСКА ¹
	КУПАНИЕ
	РЫБНАЯ ЛОВЛЯ
	У КОСТРА
БЕЈ	ІОЛОБЫЙ (Рассказ). Рисунки Г. Никольского.
	Hannayara ammayaran wa managura Compra mayar mayaran

Названия отрывков из повести «Степь» даны редакцией.

Обложка и форзац Г. Никольского

Для начальной школы

Антон Павлович Чехов

БЕЛОЛОБЫЙ

Ответственный редактор *Г. И. Гусева*. Художественный редактор *Н. 3. Левииская*. Технический редактор *Н. Г. Мохова*. Корректор *Э. Н. Сизова*. Подписано к печати с готовых диапозитивов 12/11 1974 г. Формат 70Х100//к. Бум. офсетн. № 2. Печ. л. 2, Усл. печ. л. 2,6. Уч.-изд. л. 2,07. Тираж 1500 000 экз. Заказ № 932. Цена 9, коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., І. Калининский полиграфкомбииат детской литературы имени 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата СМ РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

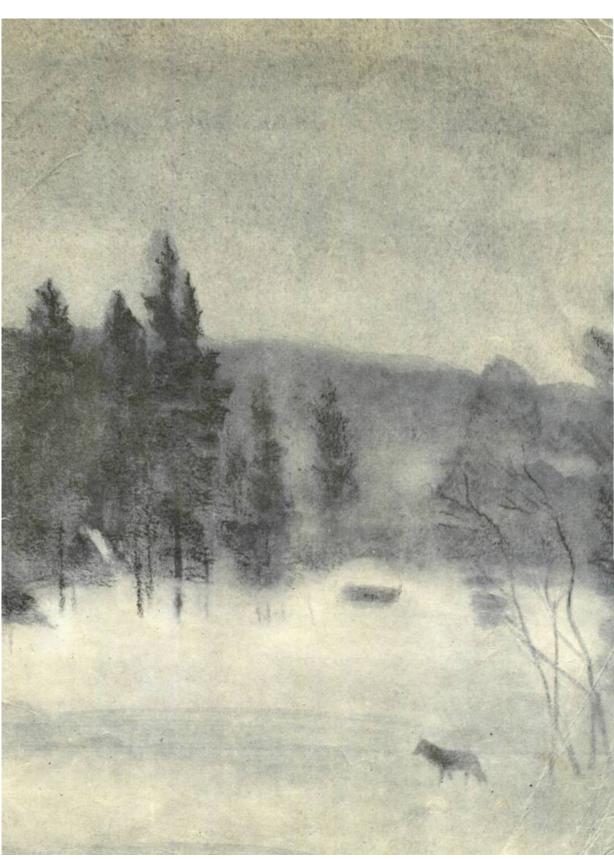
Чехов А. П.

4 56 Белолобый. Рассказы. Рис. Г. Никольского и С. Монахова. М., «Дет. лит.», 1974.

32 с. с ил. (Школьная б-ка. «Читаем сами».)

Читая эту книгу, вы узнаете о восьмилетнем мальчике Егорушке, впервые отправившемся в большое путешествие по степи, о приключениях щенка Белолобого, попавшего в волчье логово.

70 802-265 • '-'-, 4 M101(03)74 • 6 6 3 6 6 7 4 P 1

Серия «ЧИТАЕМ САМИ»

ДОРОГИЕ ПЕРВОКЛАССНИКИ!

Издательство «Детская литература» выпускает для вас серию книг «ЧИТАЕМ САМИ».
В 1974 году выходят такие книги:

ГДЕ ЕЖИК!

РОДНИК.

Рассказы о животных

Стихи русских поэтов

ДЕВОЧКА И РАЗБОЙНИКИ.

Толстой Л.

Сказки

РАССКАЗЫ О ДЕТЯХ.

ЛЕСНЫЕ ХОРОМЫ.

Ушинский К.

Рассказы, сказки, стихи, загадки

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ.

ПРИ СОЛНЫШКЕ — ТЕПЛО, ПРИ МАТЕРИ — ДОБРО.

Русские пословицы и поговорки

Обращайтесь за этими книгами в свои школьные и районные библиотеки.